

РУССКИЙ ХОРРОР

АНДРЕЙ АНГЕЛОВ

ТЕАТР
МИСТЕРА
ФЭЙСА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А64

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой

Иллюстрация на переплете художника
Андрея Липаева

Ангелов, Андрей Петрович.

А64 Театр мистера Фэйса / Андрей Ангелов. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. —
(Русский хоррор).

ISBN 978-5-04-092718-0

Здесь театральной сценой служит весь Лос-Анджелес, а режиссером выступает мистер Фэйс — циничный киллер. Его театр гениален по сути, кровав по исполнению и основан на философии гипербореев. Перформансы мучительной смерти, немотивированных убийств и кровавого распутства — все это театр мистера Фэйса...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ангелов А.П., 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-092718-0

ООО «Издательство «Э», 2018

ДИВНЫЙ САД

— Малыш! Не пей мое пиво! Это пиво мое, и пить его буду только я! — воспитательным тоном внушила мама.

Мама Дороти. Двадцативосьмилетняя эффектная особа с кипенно-белыми волосами. Синие глаза, несколько впалые щеки, черты лица — правильные. Отличная минетчица, не дорожающая телом. Зато ее телом дорожил муж, мистер Котик. Зачем даром отдавать то, что может приносить деньги? Тем паче, что спрос на умения Дороти стабильно высок. Но распутные алкоголички этого не понимают, и Дороти давала даром всем, кто просил. До тех пор, пока в ее жизни не возник мистер Котик и не отобрал право дарить секс. И подарил сына.

— Жадина ты! — без злости, обыденно, отозвался малыш на слова мамы.

Малыш. Семилетний мальчуган с синими глазами. Худенький, темноволосый, с оттопыренными ушами. Задумчивый тихоня. В джинсовом комбинезоне на помочах, с большим нагрудным карманом на груди. Мало кушает, ненавидит школьную парту и влюблен в театр. Там он буквально живет, и если бы не наличие мамки, труппе старика Гэмпира пришлось бы малыша усыновить.

В воскресенье семья пришла в городской «Парк развлечений», где раскинул шатры цирк шапито.

Мистер Котик дал жене пятьдесят долларов, а сыну — пятьдесят центов и быстро слинял. Виват папке! Он — деловой человек и «заключает контракты» даже в выходные дни! Если бы не он, то мамка давно бы уже спилась. Но папка заботится о здоровье семьи, добывает работу супруге, не давая времени на излишний расслабон.

Малыш купил пачку сигарет и стал размышлять, где взять спичек. Мама выпила бокал коктейля и запрыгнула в колесо обозрения, вместе с сыном и с бутылкой пива в руке. Потом Дороти освежилась винцом — в армянской кафешке, а малыш стрельнул спичку у бородатого армянина. Но покурить не вышла. После произошло несколько других «потом»: мама с сыном катались на «американских горках», наблюдали за заклинателем и его сонной толстой змеей, оценили длинноногих гимнасток, хорошо качнулись на качелях в форме лодки и выдули по большущему мыльному пузырю в «Зале мыльных пузырей».

В конце концов во время шатаний по «Парку развлечений» полупьяная мама и усталый малыш наткнулись на помост-сцену, перед которой стояли с десяток кое-как покрашенных деревянных скамеек. Мама купила себе билет и прошла за загородку, опустила красивую попу на первую от сцены скамейку, рядом с собой поставила неразлучную бутылку пива. Малыша не пустил контролер, настаивая, что ему тоже нужен билет.

— Тебе не пять лет, boy. Точно знаю! А право бесплатного прохода имеют люди до пяти лет

включительно! — веско сказал контролер. — Пожалуйте в кассы!

Пришлось перелезть через невысокое заграждение. Малыш сел рядом с мамой и стал вдумчиво слушать сладкоголосую Джиллу. Johnny — песня всех времен и народов! Но в то воскресенье это был просто новый музыкальный хит, и никто не знал тогда, хит на века или на несколько месяцев. Композиция громко заявляла о себе из огромных колонок, стоящих по бокам сцены, зазывая посетителей проникновенным голосом певицы.

Публика резво заполняла скамейки. Мама прикрыла глазки и тихо подпевала — немного невпопад, да какая разница. Главное, чтобы душа пела!

И тут грянул туш. На помост выбежали циркачи. Разомлевшая публика встретила их аплодисментами:

— Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Жонглер и факир — крутые парни, что знают толк в крутом шоу!

Жонглер быстренько соорудил из шести предметов пирамидку высотой два фута¹. Ловко на нее вскочил и принялся жонглировать шестью золотистыми дубинками!

Факир достал из-за спины два горящих факела и стал по очереди засовывать их в свой широко открытый рот, поочередно вытаскивая их и выдувая изо рта огромные языки пламени. Зрелище не для слабонервных!

В самый пик шоу на помост крадущимся шагом вышел мим и учинил безобразие: вздумал пере-

¹ Фут — американская мера длины, около 30 сантиметров.

дразнить крутых парней своей пантомимой. Публика в предвкушении засвистала. Пришел черед акта под названием «Надрать задницу!».

Жонглер соскочил с пирамиды, а факир погасил и отбросил факелы. Вдвоем они схватили мима, нагнули его спиной к зрителям, спустили ему штаны. Контролер услужливо кинул связку прутьев. Задницу мима основательно исхлестали. В кровь! Мим верещал так, что заглушил туш. Публика аж взвыла от ликования.

Малыш брезгливо скривил губы и отвел взгляд от помоста. Достал из нагрудного кармана открытку и уделил ей все свое внимание. Черно-белый оттиск, сделанный в убогой типографии на углу Сэнт-стрит и Сороковой авеню. Центральное место здесь занимал Арлекин, какового истязали обступившие бесы. Рядом Данте Алигьери. В оригинале оттиск являлся старинной цветной гравюрой театра эпохи Возрождения.

— Bravo! Бис, джентльмены! — Мама захлопала в ладоши. Публика поддержала маму фееричным свистом и рукоплесканием.

Ликующий крик мамы вывел малыша из задумчивости. Он поднял глаза и увидел на помосте все тех же циркачей. Факир, жонглер и мим держались за руки и раскланивались.

Малыш спрятал открытку в карман, тоненькой рукою поднял ощутимо весомую бутылку с темным пойлом и припал к горлышку.

— Бульк! Бульк!

Два основательных глотка. Как само разумеющееся, без вороватых оглядок на маму и по сторонам. This is United States. Эпоха Джералда Рудольфа Форда, тридцать восьмого президента.

Единственного президента в истории, которого не избирали всенародно, кстати.

Шоу закончилось, зрители стали расходиться. Мама послала воздушный поцелуй цирковым очаровашкам и отобрала у малыша бутылку. И внушила воспитательным тоном:

— Малыш! Не пей мое пиво! Это пиво мое, и пить его буду только я!

— Ты — жадная мама! — отозвался сын.

На том и порешили. Решение подчеркнуло расклад в семье: кто сильнее, тот и владелец. Мама владеет бутылкой, папа владеет мамой. Малыш еще не вырос и не владеет ничем.

Мама сделала добрый глоток и мягко спросила:

— Тебе понравились циркачи?

Бессмысленная жестокость — чисто для потехи публики. Продажа жопы одним мужиком и покупка ее другими мужиками. Арлекина мучают на гравюре бесы, потому что ему претит торговать жопой!

— Нет, натуральное дерьмище!

Смачный презрительный плевок наглядно проиллюстрировал реплику малыша.

— А по-моему, ребятки милые, — не согласилась мама. — Особенно тот, что с огнем! Я бы ему... — Она запнулась. — Ну... ты понимаешь, сынок, какие желания вызывает в женщине самец, подобный мускулистому циркачу?

Малыш отрицательно и серьезно покачал головой.

— Если не понимаешь, то лет через десять поймешь! — усмехнулась Дороти. Она хлебнула пивка и с чувством сказала: — Настоящие муж-

чины делятся на два вида: умеющие заработать бабло и обладающие мышечной силой! «Два в одном» не бывает... — Женщина вновь сделала добрый глоток, икнула. — Нас кормит твой папка — знай, а вовсе не мои дырочки! Поэтому папка — настоящий мужчина. Но и циркачи тоже настоящие, только их сила не в деньгах, а скрыта под костюмами в обтяжку...

Малыш встал со скамейки, упер руки в бока и звонко крикнул в лицо Дороти:

— Мама! Когда я вырасту, то пойду в театральную школу!

Лицо женщины искривило глубокомысленное пьяное удивление. Фу, пьяницы похожи на нечистую силу своими гримасами! Но это мамка. Терпи, малыш, станешь мистером.

— Да ну?.. — протянула Дороти, сграбастала сыночка, прижала его хлипкое тело к томной груди. — Будешь матери помогать? Матери-икально... Папка-то каждый день новых имеет. И когда стара буду ему делать... — Окончание предложения съел голосистый смех, — вовсе не нужна стану. Кто ж тогда Дороти кормить будет... А?.. — Она отпустила малыша, посадила его снова на скамейку, взъерошила ему волосы, заглянула в его глаза. — Не знаешь?.. И я не знаю.

Мистер Котик — это муж Дороти и папка малыша. Намедни ему исполнилось тридцать два года. Зеленые водянистые глаза, бородавка над верхней губой. Носит яркую молодежную одежду и густые бакенбарды. Не курит и не пьет. Вегетарианец — изо рта постоянно пахнет растительным говном. Склонен к беспорядочным половым свя-

зям. Озабочен по жизни исключительно добыванием денег. Он нарисовался рядом. Суетливо деловой. Затаптался на месте.

— Дороти! Давай-ка пошли, там солидный клиент!

Не забывай, для чего ты рожден. Даже когда тебе не до этого. Женщины появляются на свет лишь для удовлетворения физиологических потребностей мужчин. А мужчины — лишь для того, чтобы платить женщинам за удовольствие. Все просто.

— Хватит бухать, надо дать разок-другой случайному кобелю, — поднялась Дороти со скамейки. — Ничего личного...

Она пристально посмотрела на мужа. Допила глоток и отшвырнула пустую бутылку. Весело потрепала своего альфа-самца по щеке.

— Ой-ей-ей! Иду-иду уже, мой котик... Ты проследи пока за маленьким.

Дороти пошла прочь, виляя в предвкушении бедрами.

Папка безразлично взглянул на малыша. Хлопнул сынульку по загривку, так, на всякий случай. И пошел вслед за женой, равнодушно процедив:

— Он давно уже не маленький...

Малыш не обратил на затрещину никакого внимания и на уходящую мамку не посмотрел. Привычка — вторая натура. Мы не обижаемся на привычное, мы на него не реагируем. Малыш выудил из нагрудного кармана пачку, вытянул очередную сигарету. Губами. Помял тонкими пальцами, размышляя, где в этот раз взять спичек. Перед самым носом возникла зажигалка. Ее держали твердые сухие пальцы. Чик-чирик! — колесико крутану-

лось — и появился огонек. Малыш не удивился, а принял как должное. Прикурил и повернул голову.

На скамейке, рядом с ним, сидел человек лет шестидесяти пяти. Рабочий чистый комбинезон, в руках металлические садовые ножницы. Садовник.

Странный какой-то садовник. Румяное одухотворенное лицо. Глаза лучатся строгой Добротой. На щеке изящная родинка. Ногти чистые и ровно подпиленные. Больше похож на священника.

Пальцы испещрены многочисленными порезами, и вообще руки грубоваты для святого отца. Все-таки садовник. Такие порезы возможны при длительных работах по обрезке роз или крыжовника. Но в городском парке Лос-Анджелеса не растут ни розы, ни крыжовник. Возможно, у садовника выходной? Возможно. Тогда почему он в форменной одежде и с ножницами?

Детей в семилетнем возрасте не волнуют подобные вопросы, такие вопросы у них просто не возникают. Зато возникают после... Малыш с детским любопытством оглядел садовника. Важно (с такой важностью курят только малолетние сопляки) выпустил кольцо дыма. Вымолвил:

— Благодарю, мистер... Хотите со мной поговорить?..

Садовник ничего не ответил, а рядом зазвенели ангельские колокольчики.

— Тря-я-ям! Тря-я-ям!

— Что такое? — малыш недоуменно огляделся в поисках источника диковинного звона. — Воздух... Что такое с воздухом... Его можно трогать, ого!

Воздух загустел и наполнился синим цветом. Исчезла эстрада — густой синий цвет ее поглотил.

— Это Дивный Сад, — строго сказал садовник.

— Садовник — ты волшебник?! — изумился малыш. Нет, он все-таки садовник. Слишком ухожен Дивный Сад, явно человеческая рука приложила к нему усилия!

— Человеческая рука?! — пробормотал в шоке малыш. — Так вот они какие, глюки! Два глотка крепкого эля — не совсем шутка, когда человеку всего семь лет от роду.

Садовник строго улыбнулся.

— Малыш! В начале было Слово...

* * *

— И Слово было у Бога, и Слово было Бог! — подхватил Арлекин. Теперь он не раб, как на гравюре, а он теперь — киллер! Все поменялось. Веревка более не стесняет шею Арлекина. Сейчас он одет в свой традиционный наряд: двухцветный костюм с заплатами-ромбами по всей длине платья. На голове шапка с заячьими хвостами, на поясе кожаный кошель. Кровь с телес исчезла, а спина распрямилась.

La Comedia e Finita!

Театральная зала в особняке. Шторы с оконбойниц сорваны — пространство заливают вечерний свет угасающего солнца. По периметру залы — кресла с трупами бесов. Их гораздо больше, чем на гравюре Джованни ди Паоло. Так карта легла.